

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.011-020

В. И. Пржиленский*,
Ю. Г. Пржиленская**

Дискуссии о биоэтике в социально-философском и юридическом контекстах

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию философского, юридического, биологического и медицинского знания в контексте развития биоэтики. Особое внимание уделяется эволюции философских оснований биоэтики в контексте прав человека. Подготовка текста Всемирной декларации прав человека поставила перед международным сообществом ряд новых философских проблем, главной среди которых оказалось обобщение опыта философского развития всемирной цивилизации. Данное обобщение было бы невозможно без преодоления множественности философских школ, течений и направлений, сопровождающих философию на всем пути ее развития. Опираясь на гуманистические идеалы Возрождения и девизы эпохи Просвещения, философы XX в. сформулировали универалистскую модель прав человека, которая была подвергнута критике с позиций философского плюрализма и культурного релятивизма. Выход был найден при помощи обращения к философии экзистенциализма, идеи и категориальный аппарат которого были положены в основу Всемирной декларации биоэтики и прав человека. Всё это позволило сформировать действующий орган правового регулирования лечебных и познавательных практик — этический комитет, который, вопреки возражениям некоторых теоретиков, может рассматриваться как постоянно действующий философский семинар.

Ключевые слова: философия; биоэтика; право; этический комитет; гуманизм; экзистенциализм; свобода воли; природа человека; права человека; существование; сущность.

Для цитирования: Пржиленский В. И., Пржиленская Ю. Г. Дискуссии о биоэтике в социально-философском и юридическом контекстах // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 9. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.011-020.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

© Пржиленский В. И., Пржиленская Ю. Г., 2023

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vladprnow@mail.ru

** Пржиленская Юлия Геннадьевна, преподаватель департамента гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва, Россия, 125167
przhilenskaya@yandex.ru

Discussions on Bioethics in Socio-Philosophical and Legal Contexts

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vladprnow@mail.ru

Yulia G. Przhilenskaya, Lecturer, Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky pr-t, d. 49, Moscow, Russia, 125167
przhilenskaya@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the interaction between philosophical, legal, biological and medical knowledge in the context of development of bioethics. Special attention is paid to the evolution of philosophical foundations of bioethics in the context of human rights. The process of drafting the text of the Universal Declaration of Human Rights posed a number of new philosophical problems to the international community, generalization of the experience of the philosophical development of the civilization becoming one of the most important. This generalization would be impossible without overcoming the multiplicity of philosophical schools, trends and approaches that accompany philosophy throughout its development. Relying on the humanistic ideals of the Renaissance and the mottos of the Enlightenment, the philosophers of the 20th century formulated the universalist model of human rights that was criticized from the standpoint of philosophical pluralism and cultural relativism. The way out was found by appealing to the philosophy of existentialism, the ideas and categorical apparatus of which formed the basis for the Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. All this made it possible to form an effective body of legal regulation of therapeutic and cognitive practices — the ethics committee that contrary to the objections of some theorists, can be considered as a permanent philosophical seminar.

Keywords: philosophy; bioethics; law; ethical committee; humanism; existentialism; free will; human nature; human rights; existence; essence.

Cite as: Przhilenskiy VI, Przhilenskaya YuG. Diskussii o bioetike v sotsialno-filosofskom i yuridicheskom kontekstakh [Discussions on Bioethics in Socio-Philosophical and Legal Contexts]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(9):11-20. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.011-020 (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task "The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)". Registration number: 1022040700002-6-5.5.1.

В XX в. традиционные модели взаимодействия философии и медицины, а также философии и права перестали работать. Законотворцы и врачи оказались в растерянности по поводу слишком стремительного развития научного знания, с одной стороны, и до предела усложнившихся отношений между человеком и обществом — с другой. Социальные институты и ценности, юридические законы и правоприменительные практики с наступлением молекулярной эры не могли больше оставаться такими, какими они были прежде. Всё острее стала ощущаться необходимость пере-

осмысления самого способа присутствия философских идей и концепций в системах прикладного знания и структурах социального действия.

Этический комитет как структурный элемент управления лечебными и исследовательскими практиками стал той самой инновацией, которая позволила оперативно привлекать философское знание к решению практических задач, каждая из которых может возникать неожиданно, и для ее решения недостаточно короткой формулировки юридической нормы. Случаи, возникающие сегодня в медицине или биологии, требуют от врачей и исследователей непосредственного

обращения к познавательным ресурсам философии.

Для врача или генетика, юриста или администратора обращение к философии в процессе принятия решения, влекущего за собой ответственность, оправдано только в том случае, когда он сможет впоследствии при рассмотрении в суде или в ходе служебной проверки доказать правомерность принятого решения. Но врач и генетик, юрист и администратор, как правило, не являются профессиональными философами, не имеют соответствующей подготовки, а философы не могут и не должны разбираться в вопросах права и медицины на уровне профессионалов в этих областях. Как же быть в случае, когда два разных человека, прибегающих к одной и той же философской концепции и традиции, принимают различные, а иногда и прямо противоположные решения? Наличие аргументов еще не свидетельствует об их достаточности для принятия сколь-нибудь значимого ответственного решения. Это значит, что мы верим в возможности философского дискурса способствовать обоснованию решения в той мере, в какой мы надеемся на его общезначимость. Этический комитет — это структура, где рассмотрение философских аргументов является коллективным, а наличие в его составе людей с различными компетенциями повышает степень претензий совместно выработанного решения на общезначимость.

В научной литературе обсуждается эпистемологически-регулятивный и административно-директивный статусы этического комитета. Фактически этический комитет нацелен на осуществление юридической и этической экспертизы. Как отмечают новозеландские исследователи Э. Мур и Э. Доннелли, членов этического комитета в процессе оценки программы исследования или назначаемого курса лечения одновременно интересуют две вещи. Во-первых, они проверяют предлагаемый алгоритм лечения или исследования на соответствие нормативно-правовой базе (code-consistency). Во-вторых, члены этического комитета должны устанавливать эти-

ческую приемлемость (ethics-consistency) принимаемых медиками и учеными усилий¹.

Э. Мур и Э. Доннелли убеждены в том, что выполнение этих двух задач нельзя соединять и поручать одной и той же группе компетентных специалистов — они отличаются друг от друга в принципе и практически. По их мнению, уполномоченные инстанции, оценивающие решения с точки зрения их соответствия закону, зачастую имеют дело с очевидными конфликтами между положениями закона и неопределенностью в общих следствиях применения этого закона. Любой такой орган, проводящий проверку на соответствие решения закону, прежде всего ищет прецеденты, то есть опирается на аналогии. «Административное право рассматривает такие ситуации с помощью трех принципов: “для разрешения противоречий в законе должно превалировать более конкретное положение”, “для реализации законоцентричности индивидуальной свободы, пусть действие будет разрешено, если только кодекс определенно не исключает его” и “запретить любое действие, которое будет противно разумному человеку”»².

Э. Мур и Э. Доннелли убеждены в том, что представленные принципы принятия решений не могут не вступать в конфликт друг с другом, результатом чего будет все возрастающая неопределенность. При этом анализ соответствия закону исходит из общего суждения, то есть нормы права, сформулированной исходя из цели, направления или тенденции самого закона, его духа и буквы.

Если в результате проверки соответствия кодексу, проведенной комитетом, принимается отрицательное решение и оно кажется единственно правильным при тщательном повторном рассмотрении, а члены комитета прислушаются к советам опытных практиков, то можно надеяться на внесение изменений в текст закона и утверждение этих изменений законодателями. Если же добиться пересмотра закона не удастся, то участники проверки на соответствие закону с неизбежностью придут к выводу, что их решение, при всей его этической

¹ Moore A., Donnelly A. The job of «ethics committees» // Journal of Medical Ethics. 2018. № 44. P. 481–487.

² Moore A., Donnelly A. Op. cit. P. 482.

непривлекательности, может в конечном итоге либо примирить их с собственной совестью, либо заставить отказаться от участия в моральной легитимации данного решения. Не могут же они принять решение, противоречащее закону, но согласующееся с их моральными убеждениями, отмечают Э. Мур и Э. Доннелли. В компетенцию членов этического комитета при проведении проверки на соответствие закону не может и не должна входить задача оценки качества законов, но именно низкое качество законов оказывается источником правовой неопределенности, что проявляется в недостаточной ясности и полноте присутствующих в тексте закона формулировок, а также в их отставании от быстро меняющихся запросов практики.

Э. Мур и Э. Доннелли убеждены, что один и тот же состав этического комитета, проверяющий проект на соответствие этическим нормам и биоэтическим принципам, не может и не должен в своей экспертизе апеллировать к нормам кодифицированного права. Лишь после осуществления этой экспертизы, сравнивая результаты с ранее проведенной проверкой на соответствие проекта закону, можно говорить о положительном итоге обеих процедур или же о различном их итоге. Как обращение к этическим аргументам для разрешения правовой коллизии способно разрушить право, так и утверждение о соответствии проекта закону не имеет большого значения в рамках моральной экспертизы. «Мышление, основанное на этической последовательности, — пишут Э. Мур и Э. Доннелли, — будет иметь тенденцию сочетать вопрос о том, какие факторы следует учитывать при рассмотрении, с вопросом о том, какие проблемы являются “этическими проблемами”. Основное внимание, как правило, будет уделяться следующим двум вопросам. Является ли законность предлагаемой деятельности этической проблемой и порождает ли научно обоснованное предложение этические проблемы? Принципиальные ответы на такие вопросы

трудно дать, если только кто-то не апеллирует к какой-то спорной и разумно отвергаемой концепции этики, одновременно отвергая другие подобные концепции»³.

Обосновывая свою концепцию, Э. Мур и Э. Доннелли апеллируют к аристотелевскому взгляду на этику как на универсальный регулятор. И хотя этическая позиция Аристотеля создавалась в условиях отсутствия целостной теоретической концепции права, уже в наше время ее актуализировали такие философы, как Дж. Ст. Милль и А. Макинтайр. Ее суть состоит в том, что все нормативные и обосновывающие рассуждения в сфере практического действия должны подчиняться единым этическим основаниям. При этом они отмечают и наличие в истории философии иной точки зрения. Как известно, И. Кант различал этику и право в качестве разных регуляторов и ограничивал сферу моральной юрисдикции, ставя ее наряду с правом, а не включая в право и мораль.

С новозеландскими авторами категорически не согласен датский исследователь С. Холм, подчеркивающий, что этические комитеты и комиссии имеют совершенно иное назначение, нежели поиск консенсуса в жанре научных конференций или методологических семинаров. «Комитеты по этике исследований, — замечает С. Холм, — это не философские семинары, и их работа не состоит в том, чтобы пытаться формировать исследовательские проекты таким образом, чтобы они были оптимальны с этической точки зрения. Их работа состоит в том, чтобы убедиться, что исследование этически приемлемо. Это означает, что они должны воспрепятствовать отклонению от закона, если он приводит к результату, неприемлемому с этической точки зрения»⁴. Следует заметить, что высказанная автором позиция, согласно которой комитет может «воспрепятствовать отклонению от закона», выглядит довольно неожиданно. Примет ли суд решение этического комитета и сочтет ли его правомерным на основании лишь одних этических доводов и аргументов?

³ Moore A., Donnelly A. Op. cit. P. 485.

⁴ Holm S. The job of «ethics committees» should be ethically informed code consistency review // Journal of Medical Ethics. 2018. № 44. P. 488.

Конечно же, нет. Это относится не только к Российской Федерации, но и ко всем остальным государствам, включая США и страны Западной Европы, в которых нарушение закона является преступлением.

С. Холм отмечает, что два вида проверки — анализ на соответствие проекта закону и на соответствие этике — различаются сущностно. К числу возможных комбинаций вердиктов он относит: 1) разрешено законом, но необязательно с точки зрения этики; 2) соответствует закону, но противоречит этическим принципам; 3) обязательно с точки зрения закона, но необязательно с точки зрения этики; 4) этически приемлемо, но запрещено законом.

С. Холм приводит пример, когда законодательство требует хранить персональные данные, необходимые для исследований, в течение 10 лет, а затем их уничтожить. С точки зрения этики, по мнению С. Холма, находятся аргументы против данного требования. Более того, сама процедура соизмерения ценности исследования и сопутствующего ему риска не противоречит закону, но весьма сомнительна с точки зрения этики. Датский ученый убежден в том, что этически можно оправдать запрет на любые исследования, где риск не сведен к абсолютному нулю. «Хельсинкская декларация, — отмечает С. Холм, — могла бы исключить использование плацебо в научных исследованиях при определенных обстоятельствах, однако Федеральное управление по контролю за лекарствами справедливо решило, что это не является обязательным. Федеральное управление по контролю за лекарствами в 2008 г. могло справедливо решить, что некоторые виды использования плацебо в таких обстоятельствах являются этически приемлемыми»⁵. Как отмечает С. Холм далее, каждый из приведенных выше примеров является потенциально спорным, потому что этические суждения нередко амбивалентны, что делает их вынесение импровизацией.

Данная точка зрения, в которой этический дискурс предстает как способ продуцирования импровизированных высказываний, скорее проблематического, нежели аподиктического характера, верна только относительно традиционной этики. Но биоэтика как раз и возникла как особый инструмент, предназначенный для того, чтобы ставить этические вопросы, ответы на которые находятся в процессе обращения не только к философским учениям или теологическим интерпретациям. С самого начала биоэтика дистанцировалась от учений и концепций, опираясь на принципы и ценности, которые считаются универсальными и несомненными. Для того чтобы эксплицировать генетические корни трех основных деклараций, имеющих значение для биоэтики, необходимо осуществить попытку рациональной реконструкции всей истории европейской цивилизации, начиная с Античности и заканчивая началом XXI в. Только тогда всё кажущееся очевидным и беспредпосылочным, укажет на свои исторические истоки и собственную социокультурную обусловленность. Именно об этом писал М. Хайдеггер, когда утверждал историчность и зависимость от метафизики любого гуманизма, а значит, и построенной на его основе системы ценностей⁶.

Итак, первый шаг к установлению общечеловеческих ценностей был сделан еще в Античности, когда афинские поэты, философы и законодатели совместными усилиями создали нечто новое — учение о человеке и обществе, свободе и ответственности, благе и справедливости. Философ Сократ утверждает необходимость для человека познать самого себя, что трактуется уже в XX в. как забота о себе⁷.

Итогом философского самопознания становятся не только формулы вроде «социальное животное» или «разумное животное», но и понимание человека как чего-то противопоставленного животному миру. Так, в «Антигоне» поэт Софокл делится результатами своего познания сущности и природы человека:

⁵ Holm S. Op. cit. P. 488.

⁶ Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 192–220.

⁷ Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981/1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

*Много есть чудес на свете,
Человек их всех чудесней.
Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревуущим вокруг волнам*⁸.

Перевод с древнегреческого сделан С. В. Шервинским и Н. С. Поздняковой, в компетентности которых сомневаться нет никаких оснований. Но в 1998 г. появился русский перевод сделанного М. Хайдеггером перевода этих же строк на немецкий. Казалось бы, зачем нам этот двойной перевод — не лучше ли воспользоваться одним из прямых переводов. Но уж слишком сильно они отличаются друг от друга:

*Неуютно-зловещее многообразно.
Но всех неуютней, зловещей всего человек.
Бросается в зимние волны,
при зимних штормах, в непогоду,
И мечется в водной громаде,
разверзшей свой яростный зев*⁹.

Столь разные интерпретации одного и того же текста рожают множество вопросов, главный среди которых: какой перевод лучше передает авторский смысл, авторскую позицию? Но для нашей реконструкции ответ на данный вопрос не так уж и важен. Интерпретация М. Хайдеггера полностью вписывается в модель, созданную Ф. Ницше, согласно которой вся прежняя традиция европейского понимания Античности, восходящая к Ренессансу, рисовала светлый и спокойный ее образ. Как известно, немецкий мыслитель назвал этот образ аполлоническим, открыв при этом другой образ древнегреческого духа и древнегреческой культуры — дионисийский.

Открыв эти два начала, Ф. Ницше поставил под сомнение не просто образ Античности, интересующий историков, искусствоведов и литературоведов. Встал вопрос о том, насколько этот образ способен выполнять прежнюю функ-

цию — лежать в основании гуманистической системы ценностей. Аполлоническое и дионисийское начала ставят под сомнение целостностный образ человека, рожденный поздне-средневековыми итальянскими гуманистами и подхваченный просветителями. Аполлоническое задает чувство меры, рождает самоограничение, освобождает от диких порывов. Бог Аполлон пребывает в состоянии мудрого покоя — он сам творит образы.

Бог Дионис, напротив, всё, в том числе и образы, разрушает. Поэтому дионисийское начало воплощает в себе первобытный хаос и ужас, опьяняющий вакхический восторг, экстатический трепет. Но что, если из первобытного хаоса и ужаса, а не из мудрого покоя как раз и рождается жизнь? «А что, если греки, именно в богатстве своей юности, обладали волей к трагическому и были пессимистами? Что, если именно безумие, употребляя слово Платона, принесло Элладе наибольшие благословения? И что, если, с другой стороны и наоборот, греки именно во времена их распада и слабости становились всё оптимистичнее, поверхностнее, всё более заражались актерством, а также всё пламеннее стремились к логике и логизированию»¹⁰. Между тем вопрос о возможной коррекции идеалов гуманизма на основе нового прочтения исходных ценностей и смыслов, лежащих в основе этого понятия, совсем не праздный.

Итак, вернемся к трем декларациям, преамбулы которых отчетливо свидетельствуют об эволюции в понимании смысла и значения понятия гуманизма. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.¹¹, преамбула написана на языке традиционного гуманизма, оперирующем концептами и формулами французских просветителей и идеями итальянских гуманистов. Речь идет о «достоинстве, присущем всем

⁸ Софокл. Эдип-царь : трагедии. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 184–185.

⁹ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 156–157.

¹⁰ Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 8.

¹¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.04.2023).

членам человеческой семьи», «равных и неотъемлемых правах», «свободе», «справедливости». По контексту написанного становится ясно, что темы вполне ясны и определены. «Презрение к правам человека» как причина, «варварские акты» как следствие, «свобода слова и убеждений» как нечто простое и очевидное, а свобода «от страха и нужды» наделяется статусом «высокого стремления» всех людей. Авторы преамбулы завершают свой текст словами об огромном значении «всеобщего понимания характера этих прав и свобод», без которого нельзя надеяться на выполнение названных обязательств.

Если задаться вопросом о том, насколько то или иное философское учение использовалось при написании преамбулы, то ответ будет зависеть от того, будет ли его давать философ, юрист или политик. Философ всегда найдет убедительные аргументы в пользу множественности возможных интерпретаций каждого из терминов, юрист будет апеллировать к букве закона, опираясь на национальную традицию, а политик обратится к смыслу, присутствующим в массовом сознании.

Впервые тема участия философского знания в притязаниях на значимость Всеобщей декларации прав человека возникла еще в процессе ее подготовки. Американский антрополог М. Херсковиц обратил внимание на то обстоятельство, что своими корнями этот документ уходит в историю и культуру Европы, что накладывает отпечаток на его содержание, то есть на особенности трактовки базовых понятий в разных культурах. Специализирующийся на исследовании афроамериканской культуры ученый прекрасно видел, что за пределами символического универсума европейской цивилизации многие положения Декларации могут быть прочитаны совершенно иначе. «Разработка декларации прав человека в XVIII в., — писал М. Херсковиц, — не создавала особых проблем, поскольку речь шла не о правах человека вообще, а о правах людей в рамках одного конкрет-

ного общества. При этом такие благородные документы, как Декларация независимости США или Билль о правах, были составлены людьми, которые сами являлись рабовладельцами, в стране, где массовое рабство являлось частью установленного социального порядка»¹². Отсюда и парадоксальность провозглашенного французскими просветителями девиза «Свобода, равенство, братство», который был провозглашен в разных частях света французскими, а позднее и британскими колонистами, считавшими, что эти права не распространяются на колонизируемые ими неевропейские народы. Тем более что эти народы и отдельные их представители не обязательно проживают в закрытых обществах в Азии, Африке или Латинской Америке — в век глобализации всё больше стран и территорий, на которых представители разных культур и цивилизаций вынуждены жить и работать вместе.

Всё вышесказанное имеет самое непосредственное отношение к сфере соблюдения прав человека, что побуждает мировое сообщество искать пути для налаживания межкультурного диалога, в том числе и в области ценностей. И всё потому, что культура имеет огромное влияние на отношение общества к тем или иным событиям, что с неотвратимостью сказывается и на поступках людей, и на их намерениях, и на решениях суда. Но при этом стремление к общезначимости сформулированных в Декларации принципов может натолкнуться на препятствия. «Фундаментальными должны считаться мировые нормы свободы и правосудия, — писал М. Херсковиц, — основанные на принципе, по которому человек является свободным только тогда, когда его свобода соответствует определению этого термина, принятому в его обществе, и когда его права признаются им как права члена его общества. В то же время мировой порядок будет эффективным лишь в том случае, если он обеспечит свободное проявление личности всех членов своих социальных единиц, а все многообразие личностей станет источником его богатства и силы»¹³.

¹² Херсковиц М. Права человека и уважение культур (URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/ku4-2018/36881-prava-cheloveka-i-uvazhenie-kultur.html>).

¹³ Херсковиц М. Указ. соч.

Позиция М. Херсковица была сразу же поддержана другими учеными и общественными деятелями. Все они апеллировали к опыту антиколониального движения, усилившегося в ходе Второй мировой войны и приведшего в послевоенный период к закату европейского колониализма. Выжившие в ходе Первой мировой войны французская и британская колониальные системы породили новый философский дискурс, в ходе которого нашлись аргументы против универсализма, заложенного в основу самой идеи Всемирной декларации прав человека.

Так, индийский политолог Ш. В. Пунтамбеккар направил в мае 1947 г. в ООН свой вариант Всемирной декларации прав человека, озаглавленный как «Индусская концепция свобод человека». Отвергая западную точку зрения на права человека, он заявил, что ее несостоятельность связана с предубеждениями «материалистической науки и ограниченной рациональности». Результатом такого культа науки и связанной с ней модели разума становится, по мнению Ш. В. Пунтамбекара, приземленное понимание человека, не позволяющее увидеть в человеческой природе возвышенные идеалы и ценности. Опираясь на традиции индийской философии, Ш. В. Пунтамбеккар писал, что «в человеческой воле есть и неисчислимость, и бесконечная сложность человеческой природы. Никакая система, никакой порядок, никакой закон не могут удовлетворить глубокие и потенциальные запросы великой личности, будь то религиозные, политические, социальные или образовательные. Люди часто наделены огромной потенциальной энергией и творческой силой, которую невозможно заключить в рамки старых формул и доктрин»¹⁴.

Само понимание права как дисциплины видится в данной концепции препятствием на пути к психологическому, этическому и духовному развитию динамичной личности. Поэтому система, основанная на кодифицированном

праве, оценивается индийским политологом скорее негативно: человеку не удастся, оставаясь лишь в рамках позитивного права, понять до конца свою природу и реализовать ее. Вот почему он предлагает декларировать не права человека, а его свободы, ибо только они могут способствовать достижению полной личности над собой и способности вести духовный образ жизни, столь значимый и в индуизме, и в буддизме.

Таким образом можно видеть, что главными аргументами против претензий Всеобщей декларации прав человека могут быть ссылки на философский плюрализм и культурное многообразие. И первые, и вторые достаточно сильны, чтобы их можно было игнорировать. Видимо, поэтому во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2005 г.¹⁵, речь более не идет о природе человека — на первый план выходит понятие человеческого существования, которое по итогам развития философии XX в. предшествует его сущности. «Генеральная конференция, — пишут авторы, — сознавая, что человек обладает уникальной способностью анализировать свое бытие (own existence) и окружающую его действительность (on their environment), ощущать (perceive) несправедливость, избегать опасности, брать на себя ответственность, стремиться к сотрудничеству и давать нравственную оценку происходящему, на основе которой формируются этические принципы <...> провозглашает нижеследующие принципы и принимает настоящую Декларацию».

Что это значит? Чем экзистенциализм отличается от традиционного гуманизма? Ответ на этот вопрос дал Ж.-П. Сартр в статье «Экзистенциализм — это гуманизм», в которой он отклонил широко распространенные в середине XX в. обвинения в пессимизме. Эти обвинения следует признать небезосновательными — сами же экзистенциалисты всегда признавали генетиче-

¹⁴ Puntambekar S. V. The Hindu concept of human freedoms // URL: <https://en.unesco.org/courier/2018-4/hindu-concept-human-freedoms> (дата обращения: 02.04.2023).

¹⁵ Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90 (дата обращения: 02.04.2023).

скую связь с иррационализмом XIX в., романтизмом и философией жизни. Однако Ж.-П. Сартр увидел связь провозглашаемой им доктрины с идеалами Просвещения и гуманизмом в целом. И то, что критики экзистенциализма связывают экзистенциальную тревогу с пессимизмом, он считает заблуждением. И тем более ошибочными французский философ называет обвинения в отказе от объективности в пользу субъективности, квалифицируемые как отход от идеалов Просвещения. «Экзистенциалист, — пишет Ж.-П. Сартр, — охотно заявит, что человек — это тревога. А это означает, что человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многие не ведают никакой тревоги, но мы считаем, что эти люди прячут это чувство, бегут от него»¹⁶.

В связи с изменением риторики уместно говорить о повороте в области понимания прав человека, вызванном опытом генезиса и эволюции биоэтики. Как уже отмечалось, биоэтика

возникла в период, когда обычные регуляторы, такие как право и мораль, утратили свою эффективность. В условиях необходимости создания нового регулятора, каковым сегодня и является биоэтика, был переосмыслен прежний подход. Основанный на традиционном гуманизме, суть которого состоит в объявлении человека высшей ценностью, а также в наделении его свободой воли, в сочетании с максимумами античной классической философии, когда человек объявляется разумным животным и социальным животным одновременно, гуманистический подход позволяет провозгласить уникальность человеческой личности, а также ее укорененность в историческом и критическом опыте прошлого. Но в ходе развития философии XX в. новыми смыслами обогатилось ренессансное понимание человека как проекта, как самоопределяющегося существа. Всё это потребовало изменения концептуального аппарата биоэтики и права, актуализируя философское обсуждение принципов биоэтики и выстраивание новой стратегии правового регулирования медицинских, биомедицинских или биологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. — М. : Мысль, 1990. — 830 с.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. — М. : Политиздат, 1989. — С. 319–344.
3. Софокл. Эдип-царь : трагедии. — СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с.
4. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981/1982 учебном году. — СПб. : Наука, 2007. — 677 с.
5. Хайдеггер М. Введение в метафизику. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. — 302 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. — М. : Республика, 1993.
7. Херсковиц М. Права человека и уважение культур // URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/ku4-2018/36881-prava-cheloveka-i-uvazhenie-kultur.html> (дата обращения: 02.04.2023).
8. Holm S. The job of «ethics committees» should be ethically informed code consistency review // Journal of Medical Ethics. — 2018. — № 44. — P. 488.
9. Moore A., Donnelly A. The job of «ethics committees» // Journal of Medical Ethics. — 2018. — № 44. — P. 481–487.
10. Puntambekar S. V. The Hindu concept of human freedoms // URL: <https://en.unesco.org/courier/2018-4/hindu-concept-human-freedoms> (дата обращения: 02.04.2023).

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2023 г.

¹⁶ Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 323.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Nitsshe F. Sochineniya: v 2 t. T. 1. — M.: Mysl, 1990. — 830 s.
2. Sartr Zh.-P. Ekzistentsializm — eto gumanizm // Sumerki bogov. — M.: Politizdat, 1989. — S. 319–344.
3. Sofokl. Edip-tsar: tragedii. — SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2018. — 384 s.
4. Fuko M. Germenevtika subekta: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollledzh de Frans v 1981/1982 uchebnom godu. — SPb.: Nauka, 2007. — 677 s.
5. Khaydegger M. Vvedenie v metafiziku. — SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1998. — 302 s.
6. Khaydegger M. Vremya i bytie: stati i vystupleniya. — M.: Respublika, 1993.
7. Kherkovits M. Prava cheloveka i uvazhenie kultur // URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/ku4-2018/36881-prava-cheloveka-i-uvazhenie-kultur.html> (data obrashcheniya: 02.04.2023).
8. Holm S. The job of «ethics committees» should be ethically informed code consistency review // Journal of Medical Ethics. — 2018. — № 44. — P. 488.
9. Moore A., Donnelly A. The job of «ethics committees» // Journal of Medical Ethics. — 2018. — № 44. — P. 481–487.
10. Puntambekar S. V. The Hindu concept of human freedoms // URL: <https://en.unesco.org/courier/2018-4/hindu-concept-human-freedoms> (data obrashcheniya: 02.04.2023).